

«Если изменить имя,
то сказка называется
о тебе (Гораций)»

Когда о режиссере говорят, что он славный парень — это, как правило, не предвещает ничего хорошего. Славным парнем обычно именуют режиссера не слишком настойчивого в своих взглядах, более миролюбивого, нежели принципиального, более равнодушного, чем добросовестного. Мне однажды встретился такой режиссер.

После первой же его репетиции — где бы он ни работал — актеры провалились к нему, я бы сказал, трепетной любовью и беспредельной нежностью. Это само объяснялось — говорили актеры своему художественному руководителю, получая истинное удовлетворение от того, что они не только похвалили нового режиссера, но и напомнили тем самым на слабые достоинства старого. Молодец, молодец — пригваривали актеры — у него была ва-ринт — и это тоже звучало не вполне лестно для режиссера, с которыми они работали прежде. Невольно напрашивалась мысль о том, что у тех — бабка не ва-рипа. «Само объяснение» приходило на репетиции всегда выбитое, веселое и доступное. Оно подавало руку рабочим сцену, похлопывало приветливо по плечу помощника осветителя, спрашивало у пожарного о здоровье его престарелой тети и тихонько совако исполнителю главной роли в сарказм «хороботку» противонапелных леденцов под названием «Эвкс», а старую актрису из вспомогательного состава — рекомендательную записку к знакомому домопату. Этого «само объяснения» начинало репетировать.

Друзей у такого гонимца сразу оказывалось огромное количество. Они наперебой объясняли ему состояние умов в труппе, и как-то считая, что его информация — наилучшая, — будут полагать в основу действий молодого режиссера. Каждому из актеров «само объяснение» обещало дружескую поддержку и особое внимание в работе, а все вместе — оправдание и беспристрастное разрешение творческих проблем. И странное дело — по мере того, как шла репетиция — у всех актеров где то внутри росла беспокойность, какая то тоскливая неуверенность в себе, в спектакле, в партнерах, в режиссере, столь притягивавшемся выказано. И наступала минута, когда разом просветлялся и тогда становилось очевидно, что всему виной — режиссер, впервые не режиссер, а его пресловутое напускное, сделанное, пустое объяснение.

Отношения с людьми должны быть особенно дороги и важны каждому настоящему художнику. В этих отношениях, как и во всей окружающей жизни, должен черпать силы для творчества, в этих отношениях он должен утверждать самого себя, свои жизненные принципы и взгляды. И если художник жмет в этих отношениях, если он не умеет по настоящему, творчески дружить и творчески враждовать — трюм ему цена, как художнику. Вот почему так бесполезно становиться актерам, которым довелось работать с мнимыми обаятельными знакомыми. Его дружба с актерами была не столько дружбой, сколько игрой в дружбу, изображением дружбы. Его внимание было нарочитым, равнодушным и безответственным — ему ничего не стоило его отношения с людьми и потому он мог в любую минуту изменить этим отношениям. Он не придавал настоящего значения ни одному из актеров, поэтому ему легко было делать вид, что все они выпалили ему короты.

По подлинному искусству не терпит равнодушия, в чем бы оно не проявлялось. Хорошие манеры и умение быть привлекательным — превосходные человеческие достоинства, но только до тех пор, пока они не становятся человеческим существом и основой. Авторитет, завоеванный лешими «Эвкс» и запиской к знакомому домопату — недолговечный авторитет, авторитет в котором не нуждается настоящий художник. Подлинный авторитет художника роется через «любой характер», через угрюмый тон и холодную сдержанность, иной раз присущие мастерам и, как бы ни был «сух» в обращении режиссер, умеющий возмущать, думать и будора-

жить актерскую мысль — все равно он несет актерам настоящее тепло, гораздо более драгоценное, нежели тепление обаяние моего упоминавшегося знакомого.

У нас есть еще, к сожалению, люди, склонные превратить свою жизнь в сплошной дипломатический раунт, на котором каждый изощряется в обаятельных улыбайках, комплиментах и хороших манерах. Они не говорят друг другу в глаза ничего, кроме приятного, они поддерживают так называемые «хорошоосежные» отношения и полагают, в простоте душевной, что таким способом завоевывают общие симпатии. Это заблуждение самое горькое! Настоящие отношения, подлинная дружба и истинные симпатии в искусстве — завоевываются чем угодно, только не дипломатичностью, взаимомучительством и смешными потугами говорить всем вокруг только комплименты. Есть в нашем городе такой художественный руководитель — не станем его называть — который уверен, что даже увольнять актеров следует, зная на мысль о том, что увольняют их из чистого расположения и из особых симпатий к ним. Достать, Иван Иванович, я вас особенно чую как актера и вежливую любовь как человека и именно поэтому, считая нужным доставить вам удовольствие увольня вас!

Большую дружбу, высокое чувство взаимной ответственности друг за друга должна порождать совместная работа мастеров нашего театра. Но основой, источником и существом этой дружбы должна быть подлинная творческая неспиримость, страстность и честность, строгая и настоятельная требовательность к себе и к каждому, а главное, убеждение в том, что интересы искусства — выше и значительнее малюго страха «испортить отношения», нарушить приятельство, испортить свою репутацию славного парня. Вспомните о моем добром знакомом, посмотрите нет ли его где-нибудь около вас и, если он окажется любезности, не подпускайте его к себе, дайте ему сразу понять, что вы не верите ему, что вы будете о нем судить не по лешимам, а по работе, не по дружеским улыбайкам, а по делам. И кстати, покажите ему, что такое дружба подлинная, дружба, которая несет с собой и обиды и потворование самолюбию и чувство ответственности и серьезную заботу о друге, но дружба, которая, вместе с тем, действительно помогает творить, думать, добиваться.

С. ЛЬВОВИЧ

Рис. Глябурца

Теме Кате

Вам от стран — почет и честь,
Вам все — родные без изысканий...
Ну и семейка, тетя Катя! —
Одних племянников не счесть!!

(МЫСЛИ ШВЕЙЦАРА)

Редакция вашей газеты просила меня высказаться, так сказать, мои мысли на счет Дома. Я персонально работал в театральном доме в качестве швейцара 2 года и 3 месяца и пропустил через свои двери туда и обратно немало людей. Я по ходу двери имел встречи с артистами, режиссерами, музыкантами, художниками и мне есть что рассказать, чем поделиться. Сейчас я временно в Доме не работаю, поскольку я снимаюсь в кино и репетирую генерала в водной пантомиме (по-своему я оказался неподражаемым пантомимом), но по окончании творческой работы я мечтательно возвращаюсь к дверям, чтобы открывать их одним работникам искусства и закрывать за другими работниками искусства.

Много было встреч, много разговоров. Помните одного знаменитого ленинградского режиссера.

— Члены, говорил, замечательный дом. Понимашь — говорит — прихожу я случайно к вам в дом и слышу на сцене чего-то делается, захожу в залу, вижу на сцене представляют чего-то. Присматриваюсь — выдавать артисты лучше — умеют играть. И постановщики выдавать — способный парень. Спрашиваю у контролерши — чего это такое? А она говорит — это Ленинградский театр «Комедия» пьесу представляет в бривах. А я — говорит — и

не знал, что в Ленинграде такой театр есть.

Оно понятно, конечно: режиссер он сам, разные спектакли для себя ставит, где ему по театрам ходить! А вот к нам в Дом пришел и с разными театрами познакомился, узнал что в городе делается. Большая польза есть от нашего Дома.

Многие жалуются, что в Дом ходят люди, не имеющие отношения к театру. Я считаю, что это ерунда, поскольку у нас все ходят в театры — значит все имеют отношение. И при всем этом работать мне трудно. Особенно в 12 часов по ночам. Такие дождю я вам выступления бывают. О-е-е-е!

Вообще, должен сказать, работа у дверей Дома хотя и тяжела, но имеет под собой перспективу. Я был четвертый швейцар, сейчас пока стоит пятый и что же мы видим? — Первый швейцар сейчас поет в хоре в театре «Музыкальная комедия» в оперетте «Последний бал», второй — работает билтером в театре, третий руководит одним областным театром, а персонально снимался в художественном документально-фактическом фильме, а пятый пока что присматривается, привыкает к искусству. Посмотрите, что из этого выйдет.

Ну, вот и все. Я, конечно, много еще чего знаю, но об этом в другой раз. А сейчас поздравляю, желаю и тому покое.

С приветом МАМЫГИН.

Записал со слов — В. ПОЛЯКОВ

КОМЕДИЯ Компанийцев

— Дорогой Борис Вольфович! Как я рад!!!

— Сергей Эрнстович!!! Счастливо по-вадать Вас!!!

— А вы все молодеете!

— А вы все хорошеете!

— Смету я вас с огромным воодушевлением «Бориса Годунова». Хотя это не совсем то, но это просто замечательно!

— О что вы, Сергей Эрнстович! Мне из-дних вышло счастье насладиться вами «Гамлетом». Какой блестящий персонаж! Если это и не совсем Шекспир и не совсем русский язык, то тем не менее сам персонаж — неповторимое явление сезона!

— О что вы, Борис Вольфович! Неужели мое явление надо искать в нашем театре для взрослых, т. е. для детей взрослых. Я имел счастливую возможность насладиться вами «Снежной королевой». Блестящий спектакль! Он отдал столько тепла, чуть выдохнулся ароматом всех наших прекрасных постановок и чуть-чуть даже поплакивает счастливо. Хотелось бы видеть в «Снежной королеве» настоящую королеву, но это дело. В целом из ряда вои выходящая ученическая работа, т. е. а. я хотел сказать, работа, на которой надо другим учиться и учиться!

— О что вы, Сергей Эрнстович! Снежка — как снежок. Вот вашего «Чужого» мне не забыть! Кажется вы в чем-то дефицит. Ни пьесы, ни постановки, т. е. никакой особенной постановки, ни потрясающих актеров... в от сидишь, как приколупанный, и по ушей до конца спектакля. Ну, буквально не оторваться! Такова профессиональная привычка наша — досматривать любые папки... плохая привычка хочу я сказать.

— Борис Вольфович! Как же можно мастеру театра, находясь в гостях у друго-

го театра уйти до конца? Тяжело, но долг обязывает. Я как-то имел радостную возможность погостить у знаменитых артистов «У Лукоморья». Я поражаюсь какой богатый труд вы самоотверженно утрубо... ухаживаете в этот спектакль. Как прекрасная аудитория, как они благодарно проходят вам наши постановки! Как им тяжело было тратить золотое время, которого не хватает ни у меня, ни у вас, я застыл в восторге до конца. Замечательное и поучительное зрелище!

— О что вы, Сергей Эрнстович! Замечательное зрелище, с подлинным творческим волнением наблюдал я, смотря вышло «Пекторис». Только причем здесь Фигаро? Разве ему сплоско, разве он достоин такого «недоросля»? Это же наконец вновь переосмысленный, вновь оживленный аман и выплеск пресмыкнувших за свой собственный «Недоросль». Совершенно замечательное и неповторимое зрелище!

— Что вы, что вы, Борис Вольфович! Что может быть замечательное зрелище вашего театра, в котором плачут и дети и взрослые! Зрелище это не поддается описанию, настолько все что вы делаете лежит вне... спора. Это же закончено, просто я ленив как дважды два четыре.

— О что вы, Сергей Эрнстович! Где уж вам! Такой театр как ваш стоит совершенно особняком.

— Разве у вас театр, Борис Вольфович? У вас же не театр, а совершенно исключительное своеобразное театральное явление: ни для детей, ни для взрослых, а для широкой молодой публики! Это, конечно, достойное восхищения!

— До свидания, Борис Вольфович!

— Будьте здоровы, Сергей Эрнстович! Мастер не расходится. На перекур еще надо накурить порохов.

ФА-МИН